

III. ВОПРОСЫ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА

УДК 4

С.Л. Кушнерук

«МИР ДИСКУРСА» В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются зарубежные и отечественные концепции, отражающие современное состояние дискурсивных исследований с точки зрения конструирования «мира дискурса» как некоего «сплава» языковой формы и фоновых знаний коммуникантов, обсуждаются возможности его описания и когнитивного моделирования, выявляются корреляции с теорией текстовых миров.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когнитивное моделирование, мир дискурса, теория текстовых миров, текстовый мир.

Методологическая рамка современных когнитивно-дискурсивных исследований в обязательном порядке предполагает установление связи языкового явления с внутренней ментальной деятельностью человеческого сознания, а также выявление того, как оно используется в процессах коммуникации по мере осуществления речевых актов. В каждом акте речи, как отмечает Е.С. Кубрякова, современные когнитологи усматривают некое «конструирование мира» (the construal of the world), выражающееся как в процессе категоризации предметных и признаковых сущностей объекта, так и в выборе той перспективы, по отношению к которой характеризуется данный объект или ситуация. При таком подходе и текст, и дискурс должны рассматриваться прежде всего как творящие новые «возможные миры» [Кубрякова 2004: 522], а все принимающие участие в этом процессе языковые формы – как служащие построению такого возможного мира.

На этом фоне очевидна тенденция к укрупнению единиц лингвистического анализа, а также контекстов, в которых данные единицы обнаруживают свое проявление. Обращение к реальным речевым образцам в ракурсе многообразных форм человеческой деятельности порождает понимание дискурса как речемыслительного процесса, носящего интерперсональный характер. В широком смысле **дискурс** рассматривается как форма использования языка в реальном времени, которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого **мира** (или его образа) с помощью детального языкового описания и является частью про-

цесса коммуникации, характеризуемого участниками, условиями ее осуществления и целями [Кубрякова 2004: 525].

На то, что особый мир выстраивается в процессе развития дискурса, указывает В.З. Демьянков: дискурс «создает общий контекст, описывающий лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса» [Демьянков 1992: 7].

Придерживаясь схожего мнения, Ю.С. Степанов подчеркивает, что дискурс существует главным образом в таких текстах, «за которым встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир... Это – «возможный (альтернативный) мир» в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс – это «один из возможных миров» [Степанов 1995: 44-45].

Очевидно, что за каждым типом дискурса «проступает» свой «возможный мир», действия и объекты в котором осмысляются по логике этого мира. Оценивая близость возможного мира к реально существующему, Е.С. Кубрякова выделяет несколько разных форм, – от достаточно адекватного его отражения до полного искажения, от следования правде или истинности фактов до вымысла, фантазии, от погруженного в прошлое – до предполагаемого, желательного или же неизбежного в будущем [Кубрякова 2004: 529].

Описать «мир дискурса» и восстановить его специфические черты по языковым данным берутся отечественные и зарубежные исследователи. Категориальный аппарат когнитивной лингвистики пополняется терминами, включающими представления о некотором пространстве, объективируемом дискурсом, – «возможный мир» (А.П. Бабушкин), «текстовый мир», «дискурсивный мир» (П. Верт, Е. Семино, Д. Гевинс), «текстуальный мир» (Р. де Богранд), «ментальный мир» (Ю.С. Степанов), «мир дискурса» (Е.С. Кубрякова, Г.Н. Манаенко), «мир текста» (А.А. Залевская, Г.Н. Манаенко), «спроецированный мир» (Р. Джакендофф), «текстовое пространство» (Л.Н. Лунькова), «пространство текста» (Ю.М. Лотман), «ментальное пространство» (Ж. Фоконье).

Подчеркнем, что приведенные выше понятия нельзя считать совпадающими по содержанию, а соответствующие им термины не являются синонимами. Вместе с тем их объединяет представление о том, что в процессе понимания дискурса человек создает некую ментальную модель, т.е. некоторое знание в памяти, структура которого соответствует структуре репрезентируемой ситуации [Джонсон-Лэрд 1988], и от которой зависит его интерпретация. Уместно говорить о том, в каком отношении тот или иной термин имеет когнитивное основание, то есть рассматривает мир как ментальное пространство – ментальный конструкт, формирующийся на основе внешнего и внутреннего контекста (знаний человека).

Цель предлагаемой статьи – освещение разнообразия подходов к описанию «мира дискурса» с позиций когнитивного моделирования, а также обсуждение значимых корреляций с теорией текстовых миров. В связи с тем, что названная теория недостаточно широко известна в России, считаем возможным сделать ссылки на наши предыдущие работы, в которых обсуждались ее основные методологические положения [Кушнерук 2009, 2010, 2011].

Теория текстовых миров выделилась в самостоятельную область когнитивной лингвистики благодаря серьезному влиянию целого ряда фундаментальных трудов. Важнейшими когнитивными принципами, их объединяющими, считаем признание того, что а) язык не может быть описан без ссылки на когнитивные процессы, б) формальная семантика, основанная на условиях истинности, не является удовлетворительной для описания значения выражений языка [Ченки 2010: 356]. Семантические структуры должны характеризоваться по отношению к знаниям о действи-

тельности: они отражают не только содержание ситуации, но и то, как организовано и истолковано это содержание.

Учитывая сказанное, мы ставим две приоритетных задачи. Прежде всего (I), обозначить круг тех лингвистических концепций, которые формируют некое методологическое ядро, с которым наиболее отчетливо ассоциируется обсуждаемая теория. Речь идет об эвристиках лингвистов-классиков, связывающих значение слова с лежащей в его основе структурой знания. Они сыграли ключевую роль в создании когнитивных моделей языка и обусловили появление многочисленных исследований, связанных с когнитивным моделированием. Сюда мы причисляем теорию ментальных пространств Ж. Фоконье, когнитивную грамматику Р. Лангакера, фреймовую семантику Ч. Филлмора, теорию категоризации Дж. Лакоффа. Нас также будут интересовать концепции отечественных ученых, ставящие более «скромные» цели (II), которые созвучны теории текстовых миров, но используют иную терминологию при решении частных вопросов дискурсоведения.

I

Книгу Ж. Фоконье можно отнести к тем публикациям, которые сыграли определяющую роль в становлении теории текстовых миров и обусловили ее дальнейшее развитие [Fauconnier 1994]. Общим для обеих является понимание того, что язык не передает значение, а направляет его построение: языковые выражения играют роль инструкций, согласно которым реципиент конструирует смысл. То, что происходит «за кадром» и формирует когнитивный фон взаимодействия, называется ментальным пространством.

Создание ментальных пространств признается способом мышления. Они принципиально отличаются от возможных миров тем, что являются концептуальными по своей природе: «Ментальные пространства не имеют какого-либо онтологического статуса вне ума человека и, как следствие, не играют никакой роли в объективистской семантике... Вследствие своего чисто когнитивного статуса, ментальные пространства беспрепятственно функционируют в семантике, основанной на внутреннем или экспериенциальном реализме» [Лакофф 2011: 367].

Экспериенциализм противопоставляется объективизму, утверждающему, что мы воспринимаем мир таким, каким он существует в реальности: «Экспериенциалистский подход предполагает, что реальность не дана нам объективно, но в зна-

чительной степени сконструирована нашим сознанием, которое в свою очередь основано на телесной специфике человека» [Лозинская 2007: 34]. Иными словами, человек составляет часть окружающего мира и судит о нем «изнутри» посредством своей понятийной системы. Отсюда «невозможность достижения полной объективности, отсутствие единой абсолютной истины, неизбежная субъективность значения и понимания» [Скребцова 2011: 114].

Данный подход связан с когнитивным пониманием семантики. Если объективизм исходит из того, что языковые категории напрямую связаны с сущностями во вселенной, а семантика изучает отношения между словами и их денотатами (объектами реальности), то экспериенциализм обязывает учитывать третий значимый компонент – когнитивную организацию человеческого сознания. Существует, как минимум два типа фактов, которые опровергают, что наши чувства напрямую «записывают» реальность в том смысле, как это делает, например, кинокамера. Во-первых, ощущения не всегда достоверны: человек может находиться в состоянии алкогольного опьянения, галлюцинировать, болеть шизофренией или просто ошибаться. Во-вторых, в случае отсутствия патологических ситуаций, восприятие не ограничивается получением перцептивных данных, подобно тому, как магнитная лента регистрирует звук. Это в большей степени решение проблемы: мы постоянно сравниваем, классифицируем объекты, строим гипотезы, вспоминаем события и делаем предположения на основе неполной информации [Werth 1999: 37-38]. Таким образом, значение языкового знака это артефакт сознания, который отражает не реальность, а некую концептуальную структуру, имеющуюся у человека.

Действительность проецируется в семантику языка, порождая «спроецированный мир» (projected world). По мнению Р. Джакендоффа, этот мир отличается от мира действительности по причине специфических особенностей человеческого организма вообще (человек видит свет и цвет, но не рентгеновские лучи), а также иных лингвокультурных условий, к числу которых относится конвенционализация – негласное коллективное соглашение говорящих выражать свои мысли определенным образом [Рахилина 2010: 372].

Так же, как Дж. Лакофф, Р. Джакендофф и другие когнитивисты, Ж. Фоконье считает, что связь между языком и миром всегда опосредована человеческим мышлением, и то, что мы именуем «действительностью», является мысленным пред-

ставлением говорящего о ней. Ментальные пространства воплощают в себе образ того, как человек думает и говорит о вещах. В силу этого Ж. Фоконье отрицает возможность адекватного описания значения в рамках объективистской семантики, напрямую связывающей язык и действительность. Он настаивает на том, что ментальные пространства являются моделями дискурсивного понимания, которые претерпевают постоянные изменения в ходе коммуникации. При этом их внутренняя стройность и непротиворечивость могут нарушаться, что в целом соответствует специфике человеческого общения [Скребцова 2011: 169].

В содержательном плане ментальные пространства представляют собой модели ситуаций (реальных или гипотетических) в том виде, как они осмысляются человеком. Акцентируя когнитивную природу ментальных пространств, Дж. Лакофф приводит следующие примеры:

- непосредственно окружающая нас реальность, как мы ее понимаем;
  - вымышленные ситуации, ситуации, изображенные на картинах, представленные в фильмах, и т.д.;
  - прошлые или будущие ситуации, как мы их понимаем;
  - гипотетические ситуации;
  - абстрактные области, например, понятийные области (такие, как экономика, политика, физика), математические области, и т.д. [Лакофф 2011: 366].
- Реальному миру в концепции Ж. Фоконье отводится рядовая роль одного из ментальных пространств. Объекты и отношения между ними внутри того или иного пространства рассматриваются как существующие безотносительно к статусу этих объектов и отношений в реальном мире [Скребцова 2000: 137].

Ментальные пространства структурируются языковыми средствами, так называемыми «конструкторами пространств» (space builders). В концепции Ж. Фоконье конструктор устанавливает пространство, которое берет начало в некотором исходном пространстве-родителе (parent space). Связь между исходным и производным (daughter space) пространствами фиксируют коннекторы, которые являются частью идеализированных когнитивных моделей [Lakoff 1987; Лакофф 2011]. Коннекторы обусловлены социально-культурными и психологическими факторами и потому могут различаться в разных социальных группах, у разных индивидов и в разных контекстах [Fauconnier 1994: 10].

Конструктами, порождающими новые пространства или содержащие отсылку к старым, созданным в ходе предшествующего дискурса, могут быть наречия, вводные слова, обстоятельственные конструкции с предлогом (*в 1929 г., в канадском футболе и т.п.*), союзы (*если ... то, или ... или*), сочетания подлежащего и сказуемого (*Макс думает, что...; Мэри надеется, что...*) [Скребцова 2011: 172]. Конструируемое ментальное пространство может относиться к определенной эпохе, стране, предметной области, фильму, мыслям, чувствам человека и пр.

Высокий объяснительный потенциал теории Ж. Фоконье отмечается рядом исследователей (Дж. Динсмор, И. Свитсер). Однако претензии оппонентов вполне справедливы с точки зрения того, что автор радикальным образом не отходит от традиции приводить в качестве примеров отдельно взятые предложения, которые оказываются неудовлетворительными для описания дискурса, в обязательном порядке включающего многообразные социокультурные, психологические и другие контекстуальные факторы. П. Верт пишет: «Хотя концепция Ж. Фоконье о ментальных пространствах безусловно новаторская, тот факт, что она по преимуществу выполнена в ракурсе предложения, не позволяют признать ее интегрированной языковой теорией» [Werth 1999: 77].

Теория текстовых миров обращается к достижениям другого крупного теоретика когнитивного направления – Рональда Лангакера. Когнитивная грамматика (первоначально *пространственная грамматика*) Лангакера (с 1976 г.) явилась альтернативой генеративной лингвистики, которая подвергалась критике за то, что рассматривала язык как алгоритмическую автономную систему в отрыве от механизмов познания, считала грамматику независимым компонентом структуры языка, объясняла возможность описания значения при помощи формальной логики. Объективизму американский ученый противопоставляет субъективистский подход к значению, который предполагает, что значение языкового выражения не ограничивается свойствами обозначаемого, но учитывает, что коммуниканты используют собственный фонд знаний и когнитивных способностей для осмысливания соответствующей ситуации. Значения слов соотносимы с определенными концептуальными структурами, которые обеспечивают их понимание. Р. Лангакер называет их когнитивными областями (*cognitive domains*). «Область» может быть любым видом концептуализации: воспринимаемым опытом, концептуальным

комплексом, сложной системой знаний и т.д. Важно, что одни концепты предполагают другие для своей характеристики. Значимым для теории текстовых миров является представление о том, что ссылка в некоторую когнитивную область может, в свою очередь отсылать к другой области, что ведет к выстраиванию концептуальных иерархий, где структуры более высокого уровня являются результатом когнитивных операций над структурами более низких уровней [Скребцова 2011: 135; Ченки 2010: 357].

Значение языковой единицы, помимо концептуального содержания, включает определенную схему. Поэтому для исследования значений языковых единиц и их соотношения с когнитивными структурами Р. Лангакер использует понятие *образной схемы* (*image-schema*). Известно, что М. Джонсон [Johnson 1987] употребляет данный термин для обозначения такой схематической структуры, вокруг которой организуется человеческий опыт: «Образная схема – это повторяющийся динамический образец наших процессов восприятия и наших моторных программ, который придает связность и структуру нашему опыту» [Ченки 2010: 347].

Р. Лангакер обозначает термином способность по-разному структурировать и толковать содержание одной и той же когнитивной области, или, по метафорическому наблюдению Н.Н. Болдырева, «по-разному форматировать когнитивное содержание» [Болдырев 2001: 33]. Образная схема отображает отношения между *tr* – траектором, или движущимся объектом (*trajector*), *lm* – ориентиром (*landmark*), *v* – наблюдателем (*viewer*), *r* – реципиентом (*recipient*) и др. [Рахилина 2010: 378]. В каждой схеме некоторая часть всегда оказывается выделенной. Это есть *профиль* (*profile*) языковой единицы (обозначаемый участок базы), все остальное – *база* (*base*) (когнитивная область данного выражения). Ставший классическим пример – слово *гипотенуза* [Рахилина 2010; Скребцова 2000, 2011]. Базой является понятие прямоугольного треугольника, а профилем – соответствующая сторона. Важно, что значение языкового выражения определяется взаимодействием между указанными элементами и не сводимо ни к одному из них в отдельности.

По словам Н.Н. Болдырева, когнитивная грамматика Р. Лангакера имеет три существенных достижения [Болдырев 2001: 33]. 1. Часто используемая лексическая единица имеет множество взаимосвязанных смыслов, которые образуют сеть. В задачу грамматики входит воссоздание

этой сети для каждой лексической единицы и описание каждого смысла в отдельности. 2. Значение всегда характеризуется относительно определенной когнитивной области, т.е. структуры знания или концептуальной структуры. 3. Значение языковой единицы не сводимо к объективной характеристике той сцены, которую оно описывает.

Усваивая понятия языка когнитивной грамматики, П. Верт следует идее моделирования результатов познания как основы формирования языковых значений. Вслед за Р. Лангакером, он не признает наличие границы между лингвистическим и экстралингвистическим знанием при его описании. Провозглашается энциклопедический подход к значению, т.е. учет всей ассоциируемой со словом информации. Для характеристики значения обязателен фонд фоновых знаний, общих для носителей культуры и формирующих некую систему значимого опыта. При этом люди могут моделировать любые ситуации, в том числе вымышленные.

Подтверждение того, что значения слов коррелируют с определенными концептуальными блоками, находим во фреймовой семантике, также внесшей свой вклад в развитие теории текстовых миров. Понятие фрейма, заимствованное у Ч. Филлмора, П. Верт трактует как «пространство опыта» (*experience space*), или выделенный опыт, общий для большинства представителей сообщества, выражаемый определенными языковыми средствами [Werth 1999: 43]. Это когнитивная структура закрепленных культурой представлений и ожиданий, проистекающих из прошлого поведения в подобных ситуациях. Ч. Филлмор применяет свою концепцию главным образом к лексическим единицам: «Передавая тот или иной концепт, лексическая единица активирует и соответствующий когнитивный контекст или фрейм как модель обыденного знания об основных концептах» [Болдырев 2001: 5]. П. Верт избирает широкую дискурсивную перспективу, полагая, что привлечение фреймовых структур должно объяснить способы формирования различных смыслов на функциональном уровне. Он утверждает, что роль культурно-специфических знаний, хранящихся в виде фреймов, заключается в заполнении текстового мира, насыщении его значимыми деталями. В теории текстовых миров признается, что фрейм активируется текстом, если некоторая языковая форма ассоциируется с ним.

Попытка моделирования структур, отвечающих за организацию знаний человека, принятая Дж. Лакоффом [Lakoff 1987; Лакофф

2011], не может остаться без внимания в свете проблем, обсуждаемых в настоящей статье. Ученый концентрирует внимание на том, как посредством языка человеческий опыт осмысливается в терминах дискретных категорий. Категоризация рассматривается как основной способ организации опыта посредством идеализированных когнитивных моделей (ИКМ). ИКМ является комплексным структурированным целым, гештальтом, в котором используются четыре типа структурирующих принципов:

- пропозициональная структура, как во фреймах Филлмора;
- образно-схематическая структура, как в когнитивной грамматике Лангакера;
- метафорическое и метонимическое отображение, как оно описано Лакоффом, Джонсоном;
- каждая ИКМ структурирует ментальное пространство, как это описано Фоконье [Лакофф 2011: 99].

Доказывая, что в стремлении понять мир, мы используем когнитивные модели, Лакофф приводит в качестве примера слово *Tuesday* (*вторник*). Оно (впрочем как и любая другая лексема, называющая день недели) может определяться только относительно идеализированной модели недели, представляющей целое, которое состоит из семи последовательно организованных частей. При этом семидневные недели не существуют объективно в природе. Они созданы людьми для идентификации *дня*. В английском языке *Tuesday* – третий день. Очевидно, что в различных культурах подобные ИКМ могут не совпадать. Так, в русском языке *вторник* – второй день недели.

ИКМ является упрощенной моделью: «Идеализированная когнитивная модель может соответствовать некоторому пониманию мира абсолютно точно, очень хорошо, хорошо, неплохо, плохо, очень плохо или не соответствовать вообще» [Лакофф 2011: 102]. На примере слова *bachelor* (*холостяк*), впервые описанного Джеррольдом Катцем и Джерри Фодором, затем Чарльзом Филлмором, Дж. Лакофф доказывает, что идеализированная модель не соответствует миру абсолютно точно, поскольку она слишком редуцирована в своих базовых установках – *неженатый взрослый мужчина*. ИКМ ничего не говорит о католических священниках, внебрачных связях, гомосексуальных отношениях, мусульманах, которым разрешено иметь четырех жен, а они имеют только трех и пр. Исходя из градуальности отношений между понятием и действительностью,

есть случаи, когда идеализированная модель прилагается очень хорошо и где неженатый взрослый мужчина может быть назван холостяком, тогда он квалифицируется как член категории *холостяк*. Противоположно, есть случаи, когда ИКМ неприложима – в ситуации папы Римского или человека, оставленного в джунглях, достигшего зрелого возраста, не имеющего контактов с человеческим обществом. Идеализированные модели Лакоффа характеризуются относительно опытных аспектов человеческой деятельности и не обязательно соответствуют внешнему миру «правильно». Значимым достижением Лакоффа является вывод о том, что ментальные модели отражают не мир, а наши представления о нем [Скребцова 2011: 108].

II

Уходя корнями к воззрениям В. фон Гумбольдта, гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа, идея о том, что за языковыми формами существует особый мир, развивается в трудах отечественных ученых [Бахтин 1979; Степанов 1994, 1995].

Л.Н. Лунькова обнаруживает принципиальную согласованность исследовательских позиций М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана в вопросе о двух взаимодействующих реальностях – действительной и текстовой. Их объединяет признание того, что текстовый мир порождается действительной реальностью, и обратный вектор взаимодействия невозможен [Лунькова 2009: 112]. В целом разделяя эту точку зрения, заметим, что понятие *текстового пространства* Ю.М. Лотмана развивается на основе совсем иных принципов: оно коррелирует с понятием «семиосферы» как хранилища текстов, написанных в разные эпохи. Имеется некоторая сумма созданных вербальных и невербальных речевых произведений, которые служат источником для порождения новых смыслов. Текстовое пространство мыслится как определенный семиотический опыт, используемый в процессах текстообразования. Можно обозначить и некоторые другие теории, утверждающие, что текст обладает пространственными чертами (Б.А. Успенский, У. Эко). Подчеркнем, что данные концепции, выходят из круга вопросов, требующих рассмотрения в нашем исследовании, поскольку не имеют прямого методологического значения для описания мира дискурса с точки зрения взаимодействия языковых и когнитивных структур. Нас, как уже отмечалось, интересуют исследования, открывающие перспективы для описания мира дискурса, а также детальной разработки проблем дискурсивного миромоделирования с уче-

том социокультурных, коммуникативных и когнитивных параметров, определяющих специфику вербальной реализации общения.

Судя по публикациям российских авторов, система понятий и терминов, согласующихся с принципами функционализма, только начинает свое становление (А.П. Бабушкин, А.Л. Блинов, В.Б. Гольдберг, Л.Б. Лебедева, Л.Н. Лунькова, Н.С. Новикова, Н.В. Петрова, С.А. Пушмина, Ю.С. Степанов, Е.В. Чернцова). Следует обратить внимание на отсутствие упорядоченности терминологии, оформление которой, по логике внутреннего развития научной мысли, может занять достаточно длительное время. Ценность этих работ, однако, мы видим в том, что авторы намечают векторы для выявления связи между фундаментальными и прикладными аспектами когнитивного моделирования «языка в действии», то есть при порождении и восприятии текстов.

За несколько лет до того, как теория текстовых миров обозначилась в зарубежной науке, в отечественной лингвистике в рамках коммуникативной теории текста демонстрируется использование концептуальных моделей при изучении процессов коммуникации. Дискуссии психологов об отражении внешнего мира в сознании личности приводят лингвистов к выводу о том, что на основе взаимодействия с окружающим миром человек строит мыслительные модели реального мира. В качестве доказательства описываются когнитивные модели как адекватная форма фиксации отношений между реальной действительностью и отражающими эту действительность языковыми произведениями – текстами.

Условия, в которых протекает деятельность человека, определяют отбор языковых средств для выражения мысли. Исходя из этого О.Л. Каменская указывает на то, что всякий текст служит для передачи некоторого мыслительного содержания, репрезентируемого *С-моделью* – ментальной структурой, существующей в сознании личности. Это идеальная модель в индивидуальном сознании, в которой индивид реализует личностную экспликацию данных (представлений, мнений, знаний) о том или ином фрагменте внешнего мира, то есть, что думает, знает, воображает об объектах мира и их отношениях [Каменская 1990: 23]. Компоненты данной структуры – представления и понятия о предметах и явлениях внешнего мира – закодированы вербальными знаками.

Существенно деление *С-моделей* на *первичные* и *вторичные*. Первые порождаются в результате непосредственного взаимодействия человека с

окружающим миром, вторые формируются в результате анализа и синтеза информации, содержащейся в первичных моделях. Вторичные модели, в свою очередь, включают комбинационные (конструктивные и ирреальные), абстрактные и художественно-поэтические [Каменская 1990: 26-27].

– *Конструктивные С-модели* как подвид комбинационных отражают объекты и отношения, с которыми человек не имел непосредственного контакта в окружающем мире (все элементы конструктивной модели реальны в том смысле, что они отражают объекты, которые существуют и могут существовать, например, техническое устройство или процесс).

– *Ирреальные С-модели* имеют компоненты, не встречающиеся в реальном мире (сказочные и фантастические: образы русалки, лешего, бабы Яги и пр.).

– *Абстрактные С-модели* состоят из отвлеченных и абстрактных категорий и суждений (научно-познавательные модели в точных науках, а также фреймы и скрипты).

– *Художественно-поэтические С-модели* наиболее трудно поддаются описанию (могут содержать элементы всех других вышеперечисленных типов).

Помимо представленных содержательных С-моделей, выделяется особый тип – *Рефлексивные С-модели*. Они являются результатом осознания субъектом неречевых условий – своего физического и психического состояния, положения в пространстве и во времени, а также своего соотношения с реалиями окружающей действительности. Именно рефлексивные С-модели формируют базу личностного, социального (в том числе) вербального поведения человека.

Особым статусом обладает тип моделей, именуемый *кортежем*, который не имеет самостоятельного содержания и представляет собой линейную модификацию той или иной С-модели. Кортёж строится на основе С-модели как ее линеаризация и включает два этапа: дезинтеграция исходной С-модели на некоторые фрагменты и упорядоченное расположение этих фрагментов в одномерную линейную структуру [Каменская 1990: 32].

Отсутствие единой терминологии не делает менее очевидной связь между данной концепцией и теорией текстовых миров в содержательном плане. Предполагается, что в условиях коммуникации отправитель создает речевое произведение, которое позволяет реципиенту выстраивать соответствующую С-модель (ср. дискурсивный/текстовый мир) из тех знаний о предметах, «запас»

которых имеется благодаря прошлому опыту. Текст понимается как «инструкция» по сборке некоторой мыслительной модели, которую реципиент осуществляет в своем сознании из элементов, хранящихся в его памяти.

Попытки объяснения понятийной составляющей «мира» обнаруживаются в работе Л.Б. Лебедевой: «Мир» понимается двояко: 1. Мир как некоторая всеобъемлющая данность, в которую включен человек вместе с другими людьми. В этом смысле мир не противопоставлен никакому другому миру и понимается как *мир вообще*. 2. Мир как некоторая область бытия, отличная от других сопоставимых с ней областей, характеризующаяся присущими только ей закономерностями, и воспринимаемая на фоне противопоставленных ему (альтернативных) миров [Лебедева 1990: 52]. Например, мир фантазии, противопоставленный миру реальности. Сюда же можно отнести (внутренний) мир произведения как художественно освоенной и преображенной реальности.

Известно, что понятие *мира произведения* прочно укореняется в отечественной литературоведческой традиции благодаря Д.С. Лихачеву и рассматривается как воплощение художественного содержания по отношению к текстовой оформленности, как необходимое средство донесения смысла до читателя: «Это – воссозданная с помощью речи и при участии вымысла предметность» [Хализев 2002: 194]. Главнейшими свойствами мира произведения признается его нетождественность первичной реальности, участие вымысла в создании, использование писателями не только жизнеподобных, но и условных форм изображения [Федоров 1984].

Интересно диссертационное исследование текстового многомирия С.А. Пушминой. Автор выявляет разноуровневые лингвистические средства, определяющие «вход» и контуры многомирия, а также способы лингвистической репрезентации художественных миров в текстах произведений Л.Н. Толстого и Дж. Голсуорси. Многомирие художественного произведения рассматривается как вторичная моделирующая система, представленная двумя типами миров – внешними мирами (квазифактуальные миры, в которых существует герой) и внутренними мирами (отражение в сознании персонажа концептосферы чувств, рациональности, подходов, мнений персонажа, его отношение к другим героям, эмоции, чувства, переживания) [Пушмина 2009].

Миропорождающий потенциал модальных слов и той роли, которую они играют в построении

нии «возможного мира» нарратора, является предметом исследования Е.В. Чернцовой, которая связывает модальные функции дискурсивных слов с процедурой «снятия референции» [Чернцова 2009]. В акте «снятия референции» отражается интенция говорящего, которая связывается с самовыражением субъекта посредством создания особого ментального мира, представленного в виде текста. «Возможный мир» понимается как мир говорящего, который, находясь в мире реальном, проецирует свое «я» в иные мыслительные пространства, в том числе воображаемые. Нарратив мыслится как органичная сфера «обитания» дискурсивных слов – очевидно, видимо, по-видимому, наверное, верно, вероятно, по всей вероятности, возможно, может, может быть, должно быть, – маркирующую текстовую репрезентацию «возможного мира» – мыслимого, воображаемого, но не обязательно связанного с реальным положением дел. При этом он строится по образу и подобию мира реального, его события определяются временными, пространственными и каузальными связями.

Трактовка мира в значении некоторой области бытия предполагает, что альтернативные миры выделяются в мире вообще: «это, скорее, отдельные стороны, аспекты мира, фокусирующие на себе углубленное внимание человека, обнаруживающего в них особые, присущие только этим сторонам действительности свойства и закономерности» [Лебедева 1990: 52-58]. Сюда можно отнести миры науки и искусства, а также многочисленные социальные миры, специфика которых определяется отношениями между людьми. Такое понимание мира приводит к огромному разнообразию работ, в фокусе внимания которых оказывается понятие картины мира с точки зрения особых языковых способов ментально-языкового членения действительности (например, исследования группы ученых ТомГу) [Резанова 2010]. Своеобразие дискурсивного миромоделирования предстает как отражение когнитивного и языкового опыта коммуникантов, а также их коммуникативных установок через анализ внешней языковой формы – грамматики и лексикона. Вводится понятие дискурсивной картины мира, понимаемой как «вариант языковой картины мира, воплощенный в тексте, текстах, порождаемых в некоем типовом социально-психологическом контексте с типовыми коммуникантами» [Резанова 2010: 18].

Мы намеренно освобождаем нашу работу от обзора публикаций, посвященных проблемам изучения картины мира, поскольку они затрагивают принципиально иной аспект миромоделирования, связанный, прежде всего, с «глобальной»

сеткой координат, посредством которой люди воспринимают действительность, которая определяет их мировоззрение и транслирует определенные этноспецифические установки. В фокусе нашего внимания – мир дискурса как некий «сплав» языковой формы и фоновых знаний коммуникантов, актуализируемых в результате социального события речевого взаимодействия. Дискурс, в таком случае, рассматривается как социально определенная модель когнитивно-коммуникативного поведения людей, необходимым компонентом которой является текст, формирующий «область контакта» между вступающими в общение. Такое понимание во многом складывается благодаря работам Г.Н. Манаенко [Манаенко 2009, 2010, 2011]. Акцентируя внимание на формировании дискурсивных смыслов, исследователь приходит к выводу о том, что языковой знак, сочетаясь с другими языковыми знаками, создает «мир текста» и соотносится с ситуацией своего применения: «При онтологизации информации в тексте представлены конвенциональные значения языковых выражений, которые, по существу, образуют «мир текста», выступающий территорией взаимодействия как минимум двух человек и обеспечивающий доступ к их концептуальным структурам, определяющим «мир дискурса» [Манаенко 2009: 20].

Следуя общей направленности на изучение форм и процессов функционирования языка в его социальной обусловленности и взаимосвязи с коммуникативными факторами, отечественные лингвисты постепенно «нащупывают» пути разработки проблемы представления мира дискурса в виде определенной модели знания, структурирующей опыт. Конкретные исследовательские подходы и процедуры анализа определяются не общей методологией, а, скорее, некими интуитивными допущениями.

В отечественной лингвистике развитие получают исследования проективных свойств дискурса/текста в аспекте изображения возможных миров, отличных от реального. Удачным примером изучения возможных миров как мыслимых, но не отражающих реальное положение дел конструкторов, становится монография А.П. Бабушкина. Эти миры существуют не «где-то там», а в сознании человека. Существование «возможных миров» в виде отдельных, самобытных сущностей – лишь иллюзия, они не «сотканы» из какой-нибудь «неоматерии», а формируются с помощью специализированных для этой цели языковых знаков [Бабушкин 2001: 81].

Автор выявляет языковые способы объективации возможных миров на примерах произведений русской художественной литературы. Под-

робно анализируются языковые явления, выполняющие «миропорождающую» функцию. К их числу относятся конструкции «Если бы ... то бы» (глагол на «-л» + частица «бы»), «Если ... то», «Или ... или», структура «бы» + инфинитив, формальные показатели будущего времени, союзы, частицы, модальные слова и выражения. Несомненным достижением ученого можно считать создание типологии возможных миров. В зависимости от того, как описывающие их выражения соотносятся с реальной действительностью, в рамках целостной иерархической системы выделяются максимально приближенный мир, потенциальный мир, мир сомнений, догадок и гипотетических допущений, мир возможных альтернатив, мир предписываемых действий [Бабушкин 2001].

Исследование А.П. Бабушкина дает важнейший вывод, снимающий ограничение Ю.С. Степанова о том, что проблема «возможных миров» является уделом логики и логиков [Степанов 1994]. Понятие возможных миров ставится на службу лингвистической науке.

Семантика возможных миров в аспекте лингвистического исследования понимается как ментальный мир, материализованный в языковом знаке. Дискурс существует главным образом в текстах. Поэтому тексты начинают восприниматься как источники данных, выходящих за пределы собственно языкового их содержания (о чем говорила Е.С. Кубрякова). Являясь материальным образованием (совокупность знаковых единиц разной сложности), текст несет и нечто нематериальное (содержание), поэтому через анализ текста исследователи стремятся проникнуть в ментальный мир и выявить существующие между ним и миром реальным зависимости.

Изучение «мира дискурса» в аспекте когнитивного моделирования пересекается со многими гуманитарными областями, трактовка которых данного многостороннего и полифункционального феномена определяется спецификой исходных теоретических принципов. Исследователи «мира дискурса» обращаются к сложной полифонии знаний, накопленных учеными, которых объединяет интерес к проблемам соотношения языковых единиц и ментальных структур, отвечающих за организацию человеческого опыта, что утверждает холистический взгляд на проблему сложнейшего коммуникативного явления, включающего не только акт создания определенного текста, но и акт его восприятия.

Когнитивные исследования «мира дискурса», разумеется, не исчерпываются рассмотренными в данной работе случаями. Однако представля-

ется обоснованным заключить, что аккумулируемые в лингвистике представления о том, что «проступает» за дискурсом, подошли к тому этапу формирования научной мысли, когда возникает естественная необходимость в обобщении зачастую фрагментарных методологически разноаспектных описаний, которые, конечно, не решают проблему характеристики дискурса как сложного когнитивно-коммуникативного феномена, но намечают возможные направления дискурсивного анализа.

Исследование «мира дискурса» требует формирования нового концептуального аппарата. Его интегральное изучение в обязательном порядке должно осуществлять синтез различных подходов к описанию соотношения языковых форм и стоящих за ними ментальных образований. Представляется, что для каждого типа дискурса можно создать собственную модель, которая бы служила для описания «мира дискурса» с позиции взаимодействия когнитивных структур и их языкового воплощения. Представление результатов дискурсивного миромоделирования может претендовать на место одного из интереснейших направлений дискурс-анализа.

Список литературы

Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. Воронеж: Воронежский государственный ун-т, 2001.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова. Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Агар, 2001. С. 25-35.

Демьянков В.З. Когнитивизм, когниция и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний. М., 1992.

Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 234-257.

Каменская О.Л. Текст и коммуникация. М.: Высшая школа, 1990.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кушнерук С.Л. Методологический потенциал теории текстовых миров в исследованиях дискурса // Активные процессы в различных типах дискурсов: функционирование единиц языка, социолекты, современные речевые жанры: материалы Международной конференции. 19-21 июня 2009 г. М.; Ярославль: Ремдер, 2009. С. 254-258.

Кушнерук С.Л. Образ президента – визитная карточка России: текстовые миры прессы, адресованной зарубежным читателям // Политическая лингвистика. Вып. 3 (33). Екатеринбург, 2010. С. 87-92.

Кушнерук С.Л. Теория текстовых миров как исследовательская программа в рамках когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1. С. 45-51.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга 1. Разум вне машины. М.: Гнозис, 2011.

Лебедева Л.Б. Высказывания о мире: содержательные и формальные особенности // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С. 52-63.

Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. № 8. 1968.

Лозинская Е.В. Литература как мышление: Когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков: аналитический обзор. М., 2007.

Луныкова Л.Н. Возможные миры художественной литературы // Вестник Челябинского государственного университета. № 35 (173). Вып. 37. Филология. Искусствоведение. 2009. С. 111-114.

Манаенко Г.Н. «Мир коммуникации»: взаимодействие значений «мира текста» и смыслов «мира дискурса» // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. Вып. 7. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. С. 17-22.

Манаенко Г.Н. Значения «мира текста» как основа «мира дискурса» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. Вып. 4 (2). С. 618-620.

Манаенко Г.Н. Лингвистические координаты понятия «дискурс» // Вопросы когнитивной лингвистики. № 4. 2011. С. 83-92.

Пушмина С.А. Текстовое многомирие и вход в него через ворота дейксиса (на материале сопоставительного анализа текстов произведений Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и Дж. Голсуорси «The Forsyte Saga»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009.

Рахилина Е.В. Основные идеи когнитивной семантики // Современная американская лингвис-

тика: фундаментальные направления. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 370-389.

Резанова З.И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 1 (9). С. 26-43.

Скребцова Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики. СПб., 2000.

Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2011.

Степанов Ю.С. Пространство и миры – новый, «воображаемый», «ментальный» и прочие // Философия языка: в границах и вне границ: международная серия монографий. Харьков: Око, 1994. Т. 2. С. 3-18.

Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века: сборник статей. М.: Российский государственный гуманитарный ун-т, 1995.

Федоров В.В. О природе поэтической реальности. М., 1984.

Хализев В.Е. Теория литературы: учебник. М.: Высшая школа, 2002.

Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 340-369.

Чернцова Е.В. Дискурсивные слова как маркеры нарративной семантики «возможного мира» // Вестник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Серия Филология. Вып. 58. № 873. Харьков, 2009. С. 27-31.

Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1987.

Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987.

Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. London: Longman, 1999.

S.L. Kushneruk

«WORLD OF DISCOURSE» IN COGNITIVE MODELING PERSPECTIVE

In the paper the author considers foreign and Russian theories relevant for the modern state of the discourse analysis development from the point of view of the construal of a world – a certain combination of language form and speakers' background knowledge, discusses the possibilities of describing and cognitive modeling this world, reveals correlations with the Text World Theory.

Key words: cognitive linguistics, cognitive modeling, world of discourse, Text World Theory, text world.